

Евгений ЕВТУШЕНКО:

Знамя юности. — Минск. — 1990. — 180 кт.

«НЕТ, НЕ НАПРАСНО ТО, ЧТО ПРЕКРАСНО»

Сегодня в Минском Дворце спорта — творческий вечер
Евгения ЕВТУШЕНКО. Накануне в подмосковном
Переделкине встретился с поэтом наш корреспондент.

— Евгений Александрович, не считите за упрек, но, если не ошибаюсь, целых двадцать лет вы не были нашим гостем. Тогда как известно, что вы — отнюдь не домосед, а, напротив, человек очень легкий на подъем. И, к тому же, связанный с Белоруссией родственными узами...

— Увы, получилось так не по моей воле. Но об этом после. Вначале о моих белорусских истоках, о том, что мне очень дорого...

Есть такое село Хомичи в Калинковичском районе Гомельской области. Там родился и жил Ермолай Наумович Евтушенко, мой дед, отец моей матери. Воевал еще на первой мировой, имел «Георгия». Как рассказывают, оказался в немецком плену и бежал оттуда. Красным командиром был на гражданской. И потом оставался в армии — дослужился до крупного артиллерийского начальника в Уральском округе. Он часто приезжал к нам в Москву, на 4-ю Мещанскую, и я очень хорошо его помню. Обычно он приезжал с субботы на воскресенье, на черненькой «эмке». И непременно — с четвертинкой водки. Как-то ритуально приезжал — выпивал, потом плясал, пел народные песни. А наутро уезжал. Он очень дружил с другим моим дедушкой. Это был Рудольф Вильгельмович Гангнус, латыш, переехавший в Россию, хотя корни у него были и шведские, и немецкие...

— Есть ведь научно-популярный писатель Гангнус...

— Да, да, это Саша Гангнус, мой брат. По отцу.

Рудольф Вильгельмович Гангнус был соавтором очень известного учебника по тригонометрии для начальной школы. Был такой учебник двух авторов — Гурвица и Гангнуса.

Мои дедушки были два совершенно разных человека, просто полная противоположность. Ермолай Наумович — этакий чапаевский тип. Простой, не образованный, как большинство красных командиров того времени. Но, как говорили все, очень большого природного ума. Веселый, полный лукавства человек.

Другой дед, напротив, был очень уравновешенный, никогда не повышавший голоса, мягкий. И вот что интересно — эти два мои дедушки очень дружили. Рудольф Вильгельмович не брал в рот спиртного, но когда приезжал Ермолай Наумович, из вежливости наливал в рюмку немного водки, и они сидели часами, о чем-то говорили. А о чем — этого, конечно, я понять не мог. Но помню, что разговаривали они приглушенными голосами.

Фамилию, кстати, я носил Гангнус. Но когда пришла война, меня заподозрили в том, что я — немец, и начали всячески обзывать, оскорблять. И больше других преуспела здесь одна наша учительница. Если она жива и осталась таких же убеждений, то наверняка должна быть в обществе «Память»... Короче, бабушка изме-

нила мне фамилию на мамину.

Это незабвенное воспоминание — два моих деда, которых и арестовали почти одновременно.

— Оба не вернулись после ареста!

— Ермолай Наумович не вернулся, а Рудольф Вильгельмович приехал после войны. Но жить в Москве ему не разрешили, и он поселился в Муроме. Он почти ничего мне не рассказывал и был, в общем-то, уже человеком физически сложенным.

Видите, какие во мне разные крови. Белорусская — от дедушки. Его жена — Мария Иосифовна — была полуукраинкой, полуполькой и разговаривала со своей сестрой Ядвигой и на том, и на другом языке. По другой линии, как видите, дедушка — латыш немецко-шведской генеалогии. А бабушка, Анна Васильевна, происходила из рода романиста Данилевского, была русской с татарской кровью. Да, а вы знаете, что Данилевский — дальний родственник Маяковского? Так что, глядишь, некоторыми кровинками мы и с Маяковским переплетаемся.

...И вот это чувство — что у меня столько смешано кровей — наверное, каким-то образом на меня влияет. Первичное мое самосознание — русского человека. Русский язык — это язык, на котором я пишу. Я — русский поэт. Но, например, когда я попадаю на Украину, то очень быстро начинаю говорить по-украински. Ну, не

Читатели газеты «Знамя юности».

Дорогие друзья! Я хочу, чтобы при всей политизации нашего общества вы не огрубели бы душой, не отвернулись от поэзии, а то она без вас пропадет, как и вы без нее.

Ев. Евтушенко

СЕГОДНЯШНИЙ творческий вечер Евгения Евтушенко — благотворительный. Все вырученные от него средства пойдут на счет № 700073 в республиканском отделении Жилсоцбанка, открытый год назад в помощь пострадавшим от Чернобыля. Инициаторами создания этого фонда были И. Шклярский, В. Быков, Р. Бородин, кинорежиссер Ю. Марухин, историк Ю. Ивановский, народный депутат БССР В. Леоненко. Собранные средства — а это 21 млн. рублей — уже работают на то, чтобы облегчить участь людей, оказавшихся в зоне бедствия.

Организаторы сегодняшнего вечера — объединение «Логос» Белорусского педагогического общества — постарались сделать все, чтобы он стал истинным праздником. Кроме встречи с поэтом, зрители ждут три очень разные выставки — французской художественной фотографии, цветочных композиций минских дизайнеров-флористов и бытовой мебели испанской фирмы «Capisa». И еще сюрприз — к приезду поэта в Минск вышел его сборник «Белорусская кровинка», и те, кому посчастливится, смогут его приобрести в этот вечер.

[Окончание на 3-й стр.]

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

итальянский, немецкий, английский, могу читать по-французски. Когда я бываю в какой-то стране, то не просто подыскиваю подходящие слова в памяти, я думать начинаю на том языке. Может быть, думать сбивчиво, на ломаном языке, но — думаю!

Так что интернационализм у меня, так сказать, с детства, он течет по моим жилам, как кровь. Я просто инстинктивно испытываю безразличное отношение к людям, которые ставят свою нацию выше других. Это ничего, кстати, не имеет общего с национальной гордостью. Ну почему, скажите, нужно гордиться своей нацией за счет унижения других? Мне кажется вообще, что националисты, экстремисты — это люди очень примитивного склада ума, чаще всего бездарные. Им нечем больше гордиться, кроме национальности, и поэтому они свою исключительность стремятся подчеркнуть хотя бы в факте рождения. Антисемиты после того, как я выступал против антисемитизма, распустили версию, что я — сам еврей. И в «Молодой гвардии» написали, что «так называемый Евтушенко» — на самом деле Гурвиц-Гангнус, не разобравшись, что Гурвиц — соавтор моего деда по учебнику тригонометрии. Или выдумали какую-то оскорбительную историю, что я, будучи в Израиле, надевал там форму полковника израильской армии и ходил чуть ли не по трупам несчастных палестинских детей. Меня друзья спрашивают: «Ну почему ты не поставишь их на место, не подашь в суд, не заявишь, что это неправда?» Ну что сказать... Я считаю ниже своего достоинства по такому поводу ходить в суд и вроде как оправдываться.

Вот так — начал о собственных корнях, а кончил столь деликатной темой. Что делать, это меня всегда очень волновало — национальное и интернациональное...

— Евгений Александрович, давайте вспомним ту вашу поездку в Белоруссию 20-летней давности.

— Я подробно описал это в поэме «Мама и нейтронная бомба». Действительно, моя мама никогда не была там и даже забыла название той деревни. Не знали мы, живя ли кто из родных. Мне очень помогли Андрей Макаенко и тогдашний командующий ВВС Белорусского округа. Генерал сам управлял вертолетом, на котором мы полетели на Гомельщину. И случилось чудо. Мы встретили старика и спросили, не помнит ли он Ермолая Евтушенко. «А как же», — говорит, — помню. У него еще на носу была раздвоенка, «як у цябе». И то, как мы приехали, и как произошла встреча на картофельном поле — это незабываемо.

Родные рассказали, мне историю про деда, который я не знал. Оказывается, в 37-м, перед арестом, видно, чужа уже как загнанный зверь, что обкладываю со всех сторон, он приехал в Хомичи. Ходил по хатам и просил на коленах прощения, прабачэння, за то, что когда-то, придя с гражданской, пожег иконы. Покаялся.

Во всем, что происходило тогда в нашей стране, перемешались и жертвы и палачи. Пастернак об этом хорошо написал: «Я знаю, вы не дрогнете, сметая человека, что ж, мученики догмы, вы тоже жертвы века». Я, конечно, не имею в виду таких патологических мерзавцев, как Сталин, Берия и им подобные. Но было ведь и много попросту запутавшихся людей.

— ...чистосердечно веривших в справедливость происходящего.

— И поэтому какая-то глубокая жалость живет в моем сердце о деде. Когда 30 октября мы будем устанавливать напротив здания КГБ на Лубянской площади привезенный с Соловецких островов камень — памятник жертвам сталинщины, я возьму туда фотографии обоих своих дедушек.

И еще вот что хочу сказать — это тоже к вопросу о национальном чувстве. Когда случились Куропаты, когда били дубинками людей, собравшихся там в день поминовения, я ощутил, как бы это сказать... Я бы вообще этому сочувствовал, будь, к примеру, негром или кем-то другим. Но в тот момент во мне проснулось какое-то генетическое чувство. Я почувствовал свою белорусскую кровь. Ведь это и мой дед мог быть среди тех погибших, что лежат в Куропатах.

Надругаться над живыми — это страшно. Надругаться над мертвыми — страшно. Но те люди, которые совершили надругательство над поминовением невинно погибших, — это, безусловно, преступники. И они же, между прочим, потенциальные палачи. Что такое поминовение невинно погибших? Это есть вид покаяния. И если кто-то способен надругаться над чьим-то покаянием, то это означает, что эти люди сами не раскаются, когда будут творить такие вещи. И мы все, считая, совершаем преступления, когда позволяем им, кому бы то ни было, допускать подобное. Люди, посягнувшие на такое, не имеют права находиться на своих постах. А многие на них остаются и не испытывают, похоже, ни тени раскаяния, считая, что соблюдают так называемый порядок.

А между прочим, если мы путаемся сегодня в хаосе и они снова требуют все того же порядка, мы не должны поддаваться на эту удочку. Мы не должны забывать, что сегодняшний хаос, экономический и национальный, и есть порождение того насильственного, кровавого порядка.

— А как вы считаете, что нас при нашей нынешней разобщенности, причем усугубляющейся на глазах, может объединить? Вокруг чего мы можем объединиться?

— Во-первых, это основные принципы христианства. Когда я говорю о христианстве, я не имею в виду точку зрения чисто религиозную. В христианстве сформулированы многие принципы человечности (они есть и в других религиях, но мы — славяне, и нам христианство как-то ближе), и вот на них-то и необходимо объединиться.

Пора осознать — что же у нас случилось? Откуда этот клубок национализма? Почему люди кусают друг друга, как змеи? Согласен с академиком Лихачевым — во многом, это от недостатка культуры. Ведь культура — это вовсе не сумма каких-то образований, а прежде всего отношение к другим людям. Это — невозможность оскорбить другого человека. Вот скажите, можно ли так, например, сказать: «Сидел я однажды вечером с одним интеллигентным антисемитом». Невозможно, слова несоединимые. Оскорблять другой народ — это никак не соединяется с интеллигентностью. Но так же опасно и ставить свой народ выше прочих, возвышать его, что потом незаметно переходит в унижение других. Мой отец очень точно меня однажды поймал на этом. Персональный конец поэмы «Братская

связь» рядом. И вот в этом сусале ненависти, озлобленности — тоже во многом истоки национализма. Вот с чем нам нужно бороться. Но в этой борьбе нам нельзя терять друг друга, иначе не победим.

— Вы много ездите, наблюдаете, общаетесь... Справедливо ли, по-вашему, следующее мнение: да, утверждают некоторые, Запад далеко обошел нас в плане экономическом, социальном, технологическом, но вот что касается духовности, внутренней культуры — тут мы остаемся Россией!..

— Нет, это неправда. Мы потеряли очень многое. И продолжаем терять.

В Германии, где я только что был, мне сказали, что у них лежит 12 тысяч заявлений от киевлян. Евреев. Это ужасно. Просто ужасно, что мы теряем людей — кстати, большей частью интеллигенцию.

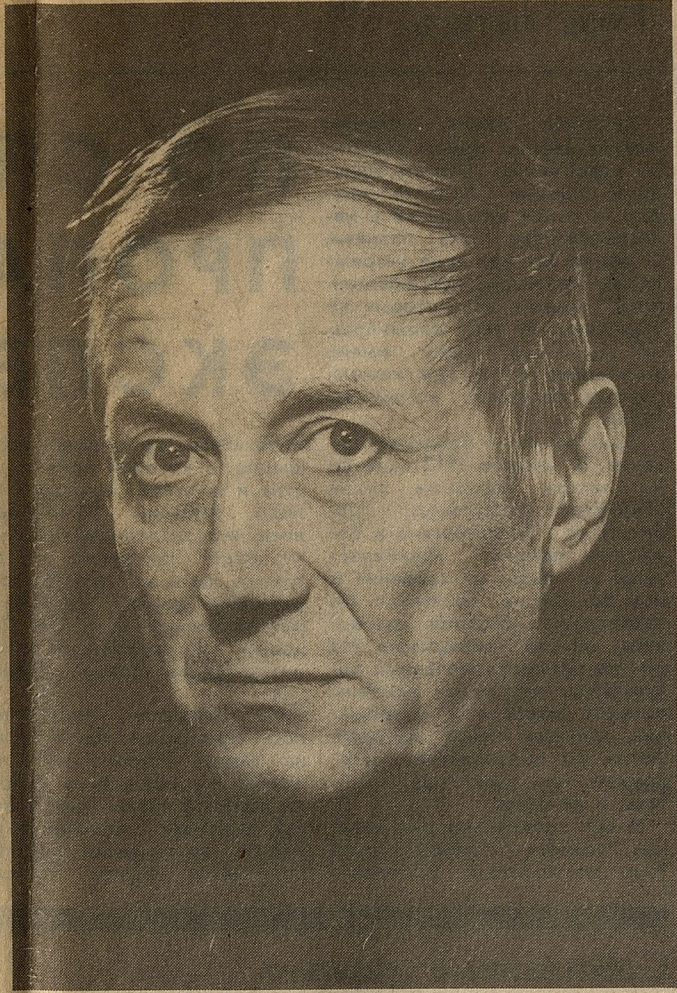
Как говорил Солженицын, у нас появилось вместо образованности такое явление, как образованщина. У нас уничтожили профессионалов — хлеборобов, политиков, военных, писателей. Все заполнили агрессивные дилетанты. Кстати, Троцкий, который вовсе не является героем моего романа, очень точно определил суть Сталина — «выдающаяся посредственность партии». Он был гениален в своей посредственности и не терпел людей высывающихся. Посмотрите, какие у него бездарные соратники, талантливых он попросту уби-

л, заволаживающая. Вообще в этом фильме очень много музыки, я сам занимался ее отбором. А оригинальную музыку написал молодой композитор Глеб Май.

В фильме прекрасно играют подростки — я, кстати, очень хотел бы, чтобы эту картину посмотрело как можно больше подростков. И, конечно, подорок судьбы — это великая английская актриса Ванесса Редгрейв. Мой фильм — это история любви двух подростков, которые встретились в гигантской толпе на похоронах Сталина. Это не политический фильм, это апокалипсис, на фоне которого происходит любовная история. Это фильм о том, что история любви выше истории, как таковой. Ведь любовь — это начало жизни.

— Фильм уже закончен!

— Практически да. Это главная моя работа. Мне было очень непросто сделать его — ведь я получаю сейчас в день как депутат и писатель около ста писем... Отношение ко мне как к депутату складывается вот из чего. Один товарищ кричал на предвыборной встрече в Харькове: «Если вы — честный человек, то должны на четыре года прекратить писать свои стихи, статьи, снимать фильмы». Тут же вскочила женщина: «Нет, Евгений Александрович, если вы прекратите писать стихи — а вы в последнее время и так мало пишете, — я потребую, чтобы вас отозвали

заставит зал плакать. Они-то и изобрели термин «эстрадная поэзия», «эстрадный поэт». Но сколько бы я ни выступал на каких-то эстрадах, все равно главные мои читатели — это те, кто читает книжки. Сейчас я выступаю редко, хотя люблю читать стихи, испытываю от этого удовольствие. Просто мне это сейчас не нужно для самоутверждения.

— Слышал, вы снова приглашены в США!

— Да, еду в Штаты, где, кстати, у меня вышла огромная книга «Избранного» на английском языке. Буду показывать там свою новую книгу, свою выставку фотографий. Прочитаю курс лекций в Пенсильванском университете — о русской поэзии.

Еще одно очень радостное известие — «Мемориал» получил во Франции международную премию как лучшая гуманитарная организация. И они меня пригласили на вручение этой премии 3 декабря. К сожалению, нет в живых человека, который гораздо более достоин ее получать, — Андрея Дмитриевича Сахарова.

— Какие у вас отношения со

славы!

— Не хочу показаться ханжой, но эта дама меня мало интересует. Потому что она очень изменчива, со скверным характером и подловата. Дело в том, что в слове, к несчастью тех, кто воспринимает ее слишком серьезно, обожание порой очень легко переходит в злорадный восторг.

— Что вы не приемлете в людях?

— Зависть. Считаю даже, что зависть — так сказать, физиологическая причина фашизма. Она — в основе психологии всех тиранов.

— Коварный вопрос: что вам не нравится в себе!

— Я в жизни хочу все слишком сразу и все немедленно. Много разбрасываюсь, много спешу и из-за этого много теряю. И в личной жизни, и в литературе. Но что я могу сделать — такой у меня характер, а исправляться, увы, поздно.

— Есть ли у вас потребность, желание время от времени перечитывать свои книги!

— Считаю, писатель просто обязан себя перечитывать. Не переживать, не задыхаться от умиленья, а аналитически. Иногда ведь жизнь загоняет человека в угол настолько, что он перестает чувствовать, что чего-то стоит. Испытывал это и я, и, очевидно, любой из нас. И вот здесь очень важно перечитать самого себя, чтобы поверить в себя снова, изначально, выволочь себя из пропасти неверия.

Но в то же время читать себя необходимо с чувством самоиронии. Надо уметь себя высмеивать, иметь внутри такого гномика, который издевался бы над тобой, насмешливо смотрел со стороны.

— И перед тем, как расстаться, Евгений Александрович, я все же вернусь к началу нашего разговора. Почему же так затянулась у вас разлука с белорусской землей!

— Да, чуть не забыл объяснить на этот счет. Двадцать лет я не был в Белоруссии, и вовсе не потому, что не стремился туда. Когда была написана поэма «Мама и нейтронная бомба», где есть целая глава о моих белорусских родственниках, первое, что я хотел сделать, — это прочесть ее в Белоруссии. Но мне это не разрешили, ответив, что нет, мол, свободного зала и так далее... Хотя, как я себе представляю, все дело было в том, что я находился тогда в одной из своих очередных овал, а поэма была полностью запрещена цензурой. В вину мне ставилось то, что я, мол, поставил знак равенства между американской нейтронной бомбой и нашей, советской.

Вторая попытка встретиться с вашими земляками была, когда я решил показать в Белоруссии свой фильм «Детский сад». И — снова отказ властей. Так что, не обессудьте...

— Что ж, будем надеяться, что эта встреча, несмотря ни на что, состоится. Ждем вас в Минск.

„Нет, не напрасно то, что прекрасно“

ГЭС» был такой:

...Я верю, ложь всемирную
спасет,
И шар земной от страха
и бессилья
Спасет не кто-то — все-таки
Россия!

Кто больше всех страдал,
тот и спасет.

Очень эффектная строчка, неправда ли — «Кто больше всех страдал, тот и спасет...»? Просто находка для цитаты... И вот отец меня спрашивает: «Скажи, Женя, у тебя что, есть весы, на которых ты взвешиваешь где-то в тишине, какой народ страдал больше, какой — меньше. Ну почему ты считаешь, что это именно русский?» Я ему: «Ну как же... Россия — это же холопы, крепостное право, казни на Красной площади, отрубленные головы, ссылки...». — «А как же колонизаторы в Африке? Живых людей там заковывали, продавали — они что, меньше страдали? Да и зачем взвешивать это, противопоставлять?» И он мне сказал такую вещь: «Вот если бы это американец написал, я бы заплакал, я бы его расстрелял. Но ты — русский поэт, ты не должен так писать». И я убрал эти строки.

...Почему у нас такая напряженность в национальных отношениях? Не оттого, повторюсь, что мы расшатали тот знаменитый порядок, а как раз оттого, что такой порядок существовал, что все было настолько. Дружба — и та насильно. В плохом отношении к русским людям со стороны некоторых наций мы сами повинны. Из-за того, что позволили появиться оскорбительной теории «старшего брата».

...Мы нарабатывали два параллельных опыта. Первый — это фальшивая дружба, приоритет центра, монополия государства, то есть все то, что нужно уничтожить. Но ведь есть и хорошее — зачем рвать годами нарабатанные связи, какой в этом смысл? И потом, если приблудные, или какая другая, республики захотят выйти из Союза, почему наши отношения не могут сохраниться и даже стать лучше? Это ведь может быть цивилизованный развод. Как же разводится в несправедливости, когда есть общие дети? А разве у нас с нашими республиками нет общих детей? В частности, я отношу к ним литературу...

Враг у нас один — государство-спрут, государство-монополь, государство-раболов, делец. У нас же отношения сейчас в точности, как в коммунальной квартире. Нам тесно, у нас нет денег, не хватает продуктов, нас угнетает неустроенность, вынужденность суще-

рал, пылая к ним патологической завистью. Так что культура у нас сильно упала, была выбита. Нам нужно восстановить профессионализм, но в то же время, учитывая печальный опыт Запада, не скатиться до узкой специализации. Вот и в Америке слой истинной интеллигенции крайне узок, и отчасти поэтому великая страна попала в капкан коммерциализации искусства.

И мы стоим перед тем же самым капканом. Посмотрите, что творится с видеосалонами. Происходит массовое разращение вкуса. Шедевры киноискусства идут в полупустых залах. Ведется бесстыдная спекуляция жалкими поделками, примитивной чернухой, провинциальным эротизмом.

В фильме, который сейчас снимаю, я собирался сделать красивую любовную сцену: подростки в плену первого влечения, целуют друг друга, как Адам и Ева... Так в сценарии и было. А потом сказал себе: «Нет, не буду развешивать». Я, кстати, был первым в советском кино, кто добился длинной сцены с обнаженным телом — в «Детском саде». Но сейчас, когда это становится конвейерной пошлостью, в виде протеста отказался от «голой» сцены.

— Кстати, что для вас кино — возможность сказать то, что не выразишь словом (хотя слово, в общем-то, универсальнее), или стремление затронуть более широкую, причем несколько иную по своему характеру, аудиторию!..

— Все вместе. Вы правильно угадали. Главное — именно эти два повода. Кино привлекает меня как синтетическое искусство. Здесь есть все — и поэзия, и проза, и живопись, и музыка... Кстати, я считаю, песня, которую мы только что написали к моему фильму, обойдет весь мир.

— Чья музыка!

— Композитор? Кто бы вы думали? Чайковский! На мелодию из Пятой симфонии. А предистория такая...

Когда снимался фильм «Чайковский», американский композитор Темкин предложил мне написать песню на эту мелодию. И я начал ее писать, но она потерялась куда-то, по каким-то соображениям ее не включили. Может, сочли богохульственным, не знаю...

Но все это двадцать, или около того, лет мелодия во мне жила. И я решил развить тему. Там у меня рефрен такой: «Нет, не напрасно то, что прекрасно». Поет восьмилетний мальчик, и еще я пригласил Валентина Никулина. Получилось потрясающе. А мелодия просто

из народных депутатов». Такие вот полярные позиции...

— Как, на ваш взгляд, ощущают ли народные депутаты трагизм ситуации, связанной с Чернобылем, или же это для них в общем ряду катастроф, больших ли меньших? У меня, например, не сложилось впечатление, что происшедшее осознано, осмыслено...

— У нас есть разные депутаты. Есть люди, которые проинизаны болью за Чернобыль. Но есть и другие, которых ничем не проймешь. В моем понимании, Чернобыль — это колокол не только по тем, кто погиб, но и по тем, кто может погибнуть.

Снова вернусь к уже сказанному... Когда я говорю о недостатке культуры, я имею в виду и то, что у нас нет культуры покаяния. Мужество покаяния — это признак культуры. Разве мы покалялись в миллионных тех людей, что были замучены в сталинских тюрьмах и лагерях? То же и в отношении Чернобыля — наше правительство до сих пор не принесло покаяния, причем не словами, а действиями. Люди продолжают страдать и не встречают понимания.

— Мне очень близко ваше стихотворение «Неверие в себя необходимо». Действительно, каждый из нас просто обязан искать, сомневаться, набивать шишки. Но это — для сильного человека. Для слабодушного же неверие может стать вечной мукой, своего рода комплексом...

— Мне кажется, вы невольно переносите эту строку на нашу жизнь, полную пессимистических предсказаний. Правда? И вы думаете, что, может быть, оно разрушительно — это неверие. Сейчас очень многие охвачены гражданским неверием.

Но я ведь говорил о неверии в себя. Сомнения в себе плодотворны — это часть самовоспитания, ибо зазнавшийся, самодовольный человек обречен.

Но есть, по-моему, вещи, которые не надо подвергать сомнению. У самого загнанного, запутавшегося, изолгавшегося и оболганного, а может быть — и самооплеванного, народа есть огромные потенциальные духовные резервы. Вот их-то нельзя подвергать сомнению, они неисчерпаемы. Вспомните, до какой низости и позора пала Германия, одуроченная Гитлером. Казалось, что немецкий народ потерял себя, свое лицо. И вот один из этого народа, из тех, кто прошагал в форме вермахта по Украине, становится выдающимся писателем-гуманистом нашего ве-

НА СНИМКАХ: дед поэта Е. Н. ЕВТУШЕНКО; Евгений Александрович со своими родственницами Ганной МАНЬКО и Евгой ЕВТУШЕНКО в селе Хомичи Калинковичского района Гомельской области, 1970 г.

Вел беседу Юрий ВЕЛЬТНЕР.